

Е. С. Шереметьева

*Дальневосточный федеральный университет
ул. Суханова, 8, Владивосток, 690950, Россия*

sheremeteva.es@dvfu.ru

СФЕРА ДЕЙСТВИЯ ОТЫМЕННЫХ РЕЛЯТИВОВ: ТИПЫ КОНТЕКСТОВ

Признаки служебности у новообразований предложного типа проявляются в их способности организовывать синтаксические конструкции и выражать определенные типы синтаксических отношений. Установление сферы действия таких новообразований, получивших название *отыменные релятивы*, позволяет обратиться к понятию *типовой контекст*. Типовой контекст понимается как семантически специфическое пространство, в котором отыменный релятив реализует свои семантико-синтаксические возможности. Сочетаемость отыменных релятивов может быть очень узкая, в пределах одной-двух лексем, и максимально широкая, ограниченная только предметным или предикатным характером лексики. Исследование синтагматических свойств ряда отыменных релятивов позволило выявить несколько типовых контекстов: оценочный, модальный, бытийный, сопоставительный и иллюстративный. Характер типового контекста коррелирует с семантикой отыменных релятивов и может быть использован как один из классифицирующих признаков при описании системы предложных новообразований в целом.

Ключевые слова: служебные слова, производные предлоги, отыменные релятивы, союзы, синтагматика, типовые контексты.

Введение

Синтаксические труды М. И. Черемисиной отражают ее глубокий интерес к служебным словам как показателям синтаксических отношений [Черемисина, Орлов, 1980; Черемисина, Колосова, 1987а; 1987б; 1996].

Предметом нашего изучения является особая категория языковых единиц, обнаруживающих некоторые признаки предлогов, но не являющихся таковыми. Речь идет об отыменных новообразованиях типа *в адрес, в духе, в плане, в деле, по части, в рамках, в сфере* и других подобных. Для их обозначения мы предложили термин «отыменные релятивы» [Шереметьева, 2008].

Изучение таких единиц может идти по разным направлениям, в разных аспектах. Мы относим их к разряду служебных (во всяком случае, проявляющих признаки слу-

жебности) на основании того, что они способны организовывать синтаксические структуры (конструкции) и выражать определенные типы синтаксических отношений. Поэтому одной из задач оказывается установление границ, в пределах которых данные единицы функционируют, т. е. выявление сферы действия каждого релятива. Компоненты синтаксической структуры, организующим центром которой является отыменный релятив, условно обозначаются как правый (падежная форма имени, располагающаяся после релятива) и левый (не ограниченный морфологически, располагающийся до релятива – при условии идеальной линейной структуры). В отличие от правого компонента, границы которого определяются падежной формой, иногда с обязательным распространителем, левый компонент не ограничен: это может быть слово, словосочетание, предикативная структура.

Изучение морфологических и лексико-семантических свойств компонентов, входящих в синтаксические конструкции, образуемые отыменными релятивами, а также семантико-синтаксических свойств самих релятивов, позволило обратиться к понятию контекста, с помощью которого можно, на наш взгляд, выявить у отыменных служебных образований некоторые свойства типологического характера.

Типовые контексты

Каждому релятиву свойственна та или иная сочетаемость на уровне лексики. Можно наблюдать типичный для определенного релятива лексический состав компонентов – как левого, так и правого. Такая специализация может быть:

- очень узкой – в этом случае релятивы сочетаются с определенными, конкретными лексемами, например: *в роли – выступать в роли, оказаться в роли*;

- более широкой – в этом случае сочетаемость расширяется до лексико-семантической группы / групп. Например, для релятива *порядка* справа возможна только количественно-именная группа: *Со времен де Голля сыра во Франции стало порядка 350 сортов* (МК. 30.10.1997). Для релятива *в знак* – две лексико-семантические группы: а) лексика, называющая положительное или отрицательное отношение субъекта к лицу или явлению (*в знак солидарности, благодарности, дружбы, уважения; протеста, несогласия, отрицания* и т. д.); б) лексика, называющая события или явления (*в знак дальнейшего сотрудничества, победы, капитуляции, праздника, траура, успехов, особых заслуг* и под.);

- самой широкой – для некоторых релятивов сочетаемость вообще может ограничиваться предметным или предикатным характером лексики; в качестве примера можно привести релятив *вроде*, для которого типичны предметные имена слева. Эта специализация во многом обусловлена базовым именем, но в сочетании с особой функцией является спецификой собственно отыменного релятива.

Отсутствие для значительного круга релятивов четко очерченной границы *слева* позволяет говорить не только о *левом компоненте*, но и о *левом контексте*. Для создания типологической картины семантико-

синтаксических свойств отыменных релятивов термин *контекст* оказывается – с определенной позиции – более продуктивным, чем термин *компонент*.

Термин *контекст* позволяет описать семантическую специфику окружения релятивов на ином, более высоком, по сравнению с лексико-семантической характеристикой компонентов, этапе обобщения. То, что мы называем «контекстом», частично оказывается равным сочетаемости в узком понимании (правый-левый компоненты конструкции), но такое же окружение отмечается и за рамками собственно конструкций. С этой точки зрения *компонент* конструкции рассматривается как один из видов контекста (контекст в узком смысле).

Специфические контексты – свойство не только отыменных релятивов. Они фиксируются и для других служебных слов. Так, понятие «характерные контексты» в аппарате многопараметрового описания служебных слов использует Е. А. Стародумова применительно к частицам [Словарь служебных слов, 2001. С. 10–11; Стародумова, 2002. С. 255].

Семантически специфические контексты свойственны не всем релятивам, они отмечаются на фоне нейтральных, немаркированных, таких, например, как у сравнительных релятивов (*вроде, наподобие, в духе, по примеру* и др.).

Функционально-семантическая природа отыменного релятива такова, что его синтагматические свойства определяет в первую очередь *левый* контекст (это не исключает значимости правого контекста, однако правый контекст всегда равен правому компоненту). Исследованные нами релятивы обнаружили характерные для каждого из них *левые* контексты, которые можно представить как достаточно широкие *типы – типовые контексты*.

Оценочный контекст. Говоря об оценочном контексте, мы используем термин *оценка* в широком понимании. В узком смысле *оценка* – это характеристика объекта по признаку «хорошо / плохо» [Вольф, 2002; Арутюнова, 1988]. В работах Е. М. Вольф языковая структура оценки рассматривается с учетом того, что существует и оценочность в широком смысле: «В естественном языке оценочные выражения в собственном смысле слова, соответствующие аксиологической оценке в логике, составляют

лишь частный случай от более широкого класса семантических единиц, которые можно назвать квалификативными. <...> Таким образом, если рассматривать оценочные структуры, реально существующие в языке, то можно говорить об оценке в широком смысле слова (ее можно назвать квалификацией), которая связана с представлением субъекта оценки об отношении данного предмета или события к нормативному “положению вещей” или к существующей в данном социуме норме, и об оценке в узком или собственном смысле слова, связанной с противопоставлением “хорошо / плохо”» [Вольф, 1981. С. 392].

Как следует из приведенной цитаты, термин «квалификативный» (квалификативные структуры, квалификативные слова) используется для обозначения оценки в широком смысле. В нашей работе, наоборот, терминами *оценка*, *оценочный* обозначается широкое понятие (общее), а для частных случаев избраны: *аксиологическая оценка* (оценка в узком смысле, собственно оценка – соответствующая представлению «хорошо / плохо», знакам «+ / –»), *квалификативная оценка* (применяется к структурам, в которых «дескриптивный и оценочный смыслы совмещены» [Вольф, 1981. С. 393], в этом случае оценка «хорошо / плохо» представлена в неявном, часто имплицитном виде), *количественная* и *модальная оценка*. Что касается двух последних видов, то языковые единицы со значением количества и с модальным значением могут проявлять или не проявлять свойство быть показателем оценки, и высказывания с определенными релятивами оказались теми структурами, в которых это свойство проявляется. (Ср., например, утверждение Е. М. Вольф, подтверждаемое и нашими наблюдениями: «Оценка соотносена с должностованием прежде всего в социальном аспекте, отражая принятые стереотипы. В этом смысле субъект действительно может рассматриваться как источник соответствующих предписаний, определяющих тип оценки “хорошо / плохо”» [Вольф, 2002. С. 124].)

Выбор термина *оценочный* (а не *квалификативный*) для обозначения типового контекста связан с языковыми фактами – с той картиной, которая вырисовалась в ходе исследования: часть релятивов употребляется в контекстах, в которых эксплицитно

или имплицитно представлена характеристика с позиции «хорошо / плохо». Ср., например: *воззвание вызывает сомнение в части своей эффективности, согласен в части смертельного исхода* и под. Это квалификации ситуаций, явлений, действий одновременно с их оцениванием с позиции «хорошо / плохо»: *согласен* = *ситуация оценена верно (правильно)*, *вызывает сомнение* = *воззвание неудачно (оценка со знаком «–»)*, т. е. в итоге ‘плохо’) и т. п. Кроме того, в преобладающей части контекстов оценочные слова с синтаксической точки зрения оказываются в позиции предиката или его обязательного распространителя, а с коммуникативной – в реме, что является обязательным признаком оценочного высказывания (см. по этому поводу [Вольф, 1981. С. 396]).

Несмотря на то, что сочетаемость у каждого релятива своя, она поддается определенной типизации через обобщение лексико-семантических типов. Так, разница между *оценочной лексикой* и *оценочным контекстом* заключается в том, что второе – шире: в оценочный контекст войдет не только собственно оценочная лексика, но и все то, что контекстуально прочитывается как оценка, например: [покупка малолитражки] *во времена экономических «неурядиц» позволит избежать лишних трат в условиях подорожания бензина* (Изв. 02.11.2001. НКРЯ¹).

Итак, оценочный контекст характерен для релятивов следующего ряда:

в свете – аксиологическая оценка (контексты с частнооценочным значением), квалификативная оценка, модальная (значительно реже);

в плане – аксиологическая, квалификативная, модальная;

в деле – квалификативная;

по части – квалификативная, интерпретационно-оценочная;

в части – аксиологическая, квалификативная;

в смысле – аксиологическая, квалификативная оценка;

в масштабах – квалификативная;

с точки зрения – аксиологическая, квалификативная, модальная;

¹ Материал, отмеченный как НКРЯ, собран с помощью Национального корпуса русского языка (www.ruscorpota.ru).

в адрес – интерпретационно-оценочный контекст.

Проиллюстрируем наше утверждение, что оценочность для названных релятивов – это свойство не только узкого, но и широко-го контекста.

Узкий контекст.

1. Позиция предиката: *Эта тенденция особенно опасна в свете нарушения демографического баланса между севером и югом* (А. Яковлев. Омут памяти. НКРЯ); *Наиболее привлекательным на Дальнем Востоке в плане прогнозируемости, рентабельности, а значит, и в плане кредитования, является бизнес по оказанию услуг* (Бизнес-журнал. 22.01.2004. НКРЯ); *С точки зрения безопасности будет лучше, если это уменьшение будет минимально* (Информационные технологии. 2004. № 10. НКРЯ); *С точки зрения перспектив России левацкая идея очень опасна* (Газета. 20.06.2003. НКРЯ).

2. Позиция обязательного распространителя: *Любопытно, что с момента определенной «музеефикации» Бродского и в свете американского периода его творчества даже ранние стихи иногда начинают казаться добротным переводом с английского* (Звезда. 2003. № 1. НКРЯ); *А вообще F1 Challenge в плане физики отлично проработанная игра* (Автогонки-1 (форум). НКРЯ); *сейчас клиенты уже более опытные, они ожидают от лизинговой компании качественной организации сделки – прежде всего в плане довольно глубокого понимания специфики оборудования, передаваемого в лизинг* (Эксперт. 13.12.2004. НКРЯ).

Широкий контекст.

Классовый подход к таланту не просто порочен, он преступен, если его рассматривать в свете человеческих отношений (Г. Бурков. Хроника сердца. НКРЯ); *Ибо в свете этих событий обрели плоть призраки контрреволюции и антисоветской деятельности, которые давно уже использовались у нас для подавления не только инакомыслия, но и вообще элементарной свободы мысли* (Г. Арбатов. Человек Системы. НКРЯ); *Если брать в масштабах человечества, то все, что происходит, – оно идет правильно?* (Пятое измерение. 2002. НКРЯ); *Вообще надо сказать, что традиция интерпретировать Бхартрихари с точки зрения концепции четырех стадий речи, сложившаяся преж-*

де всего ввиду важности этой концепции в кашмирском шиваизме, для многих современных специалистов отнюдь не является бесспорной (В. Лысенко. Классическая индийская философия в переводах и исследованиях российских ученых. НКРЯ); *Маринка, твои изыскания по части кинематографии Франции очень заняты – нельзя ли поподробнее?* (Ю. Даниэль. Письма из заключения. НКРЯ). В последнем примере кваликативно-оценочный фрагмент *очень заняты* не является левым компонентом конструкции с релятивом *по части*. Напротив, вся релятивная конструкция – *изыскания по части кинематографии Франции* – является объектом оценки. То же самое касается и предшествующего примера.

Связь названных релятивов с семантикой оценки не лежит на поверхности. Тем не менее широкий оценочный контекст у данных единиц находит объяснение: объединяющим семантическим началом для этого ряда релятивов является ‘аспект, точка зрения’. Точка зрения всегда предполагает оценку рассматриваемой ситуации. В свою очередь оценка связана с аспектизацией, с необходимостью ограничения сферы ее действия [Арутюнова, 1988. С. 95]. Описывая оценочные высказывания, Е. М. Вольф ввела понятие классификатора при оценке [2002. С. 149–152]. В первую очередь исследователь относит к ним слова-классификаторы, такие как *вид, категория, образец* и под. Однако Е. М. Вольф отмечает и случаи синтаксического выделения аспекта оценки: примером служит конструкция с предлогом *de* [Там же. С. 151–152]. С этой точки зрения структура *релятив + надежная форма имени (в плане N₂, в свете N₂, по части N₂ и др.)*, безусловно, выступают в качестве классификаторов при оценочных предикатах. Таким образом, оценочный контекст прямо связан с семантикой каждого из названных релятивов, а конструкции с этими единицами оказываются одним из видов ограничительных конструкций, на базе которых строятся оценочные высказывания.

Модальный контекст. Имеет две разновидности: а) модально-оценочный и б) модально-гипотетический.

Модально-гипотетический контекст формируется не только собственно модальной лексикой, но и грамматическими формами

глаголов (настоящее предписания), приобретающими в структуре релятивной конструкции модальное значение. Этот вид контекста характерен прежде всего для релятивов *в случае₁* и *при условии*, что прямо связано с их условной семантикой.

Левый контекст релятива *в случае₁* – субъектно-модальный, соотносящийся с типом значения релятива, определенного как «мягкое условие». Примеры: *И уж вообще трудно вообразить, какая метаморфоза произошла бы в случае опартибилечивания с нашими олигархами* (Санкт-Петербург, ведомости. 01.02.2003. НКРЯ); *И только в случаях привлечения работника к работе в выходные и нерабочие праздничные дни в месте командировки по письменному распоряжению работодателя эта работа должна компенсироваться в установленном законодательством порядке* (Учет, налоги, право. 03.08.2004. НКРЯ); *В случае отказа в регистрации инициативной группе выдается мотивированное постановление избирательной комиссии субъекта Российской Федерации* (Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации». НКРЯ).

Левый контекст релятива *при условии* – собственно модальный, связанный с типом значения ‘жесткое условие’, например: *Кандидат может выдвинуть сам себя при условии поддержки инициативной группы не меньше чем из 500 человек (раньше было достаточно 100) или выдвигаться партиями и избирательными блоками* (Изв. 12.09.2002. НКРЯ); *Он вновь повторил, что более радикальные предложения по снижению налогов можно представить лишь при условии сокращения расходов* (Газета 16.03.2003. НКРЯ); *По мнению московских властей, здания, занимаемые посольствами, являются муниципальной собственностью и могут быть отчуждены при условии компенсации потерь Москвы при их изъятии* (Изв. 06.02.2002. НКРЯ).

Бытийный контекст. Характерен для релятивов *в сфере*, *в области*, *в рамках*, *в пределах*, *в русле*.

Бытийный контекст формируется с помощью бытийных глаголов в широком смысле, т. е. как собственно бытийных (типа *существовать*, *находиться*, *оказаться* и под.), так и акциональных, приобретающих бытийное значение в определенном окружении. Приведем ряд примеров.

В русле: Их пастырство находилось в русле традиций зосимовского старчества (Альфа и Омега. 2000. № 26. НКРЯ); *Разговор, однако, пошел не совсем в русле туризма* (В. Аксенов. Негатив положительного героя. НКРЯ); *Мы, судя по всему, действовали в русле этого плана* (А. Лазарчук. Все, способные держать оружие... НКРЯ).

В сфере: интересы каждого профессионала лежат прежде всего в сфере его профессии (Профессионал. 01.07.1998. НКРЯ); *Италия, Франция, Испания, другие средиземноморские и латиноамериканские страны находятся в сфере зрительной коммуникации* (Отеч. зап. 2003. НКРЯ).

В области: Складывающаяся в России ситуация в области народонаселения и развития находится в центре внимания Правительства Российской Федерации (Дипл. вестн. 25.05.2004. НКРЯ).

В рамках: Все эти проекты развиваются в рамках мультипортала КМ. Ру (Домовой. 04.01.2002. НКРЯ); *В рамках* данного вопроса у нас есть еще подвопросы (разг.). *Программа разработана в рамках Британской школы бизнес-амнистирования* (реклама); *В рамках конференции предлагается работа по следующим направлениям* (Информационное письмо).

в пределах: ситуация находится в пределах правовых норм (Изв. 28.07.2001).

Сопоставительный контекст. Если предыдущие типы контекстов выделены с учетом лексико-семантических свойств *левого компонента* релятивной конструкции, то данный – сопоставительный – контекст выделяется нами на основе вхождения релятивной конструкции в другую – союзную (или – в ряде случаев – аналогичную союзной). Таким образом, сопоставительный контекст – это именно контекст, т. е. структура, не совпадающая даже частично с компонентами релятивной конструкции.

О сопоставительном (или сопоставительно-градационном) контексте мы говорим в том случае, когда релятивная конструкция становится компонентом союзной конструкции, строящейся на базе союзов *как ... так и*, *не только ... но и*, *как и*, *если не ... то, но, а*. Несколько примеров: *Сотрудничество с данными структурами получит свое дальнейшее развитие как в плане наращивания торгово-экономических контактов между сторонами, так и взаимодействия по актуальным международным*

проблемам (Дипл. вестн., 25.05.2004. НКРЯ); *Главное – это обеспечение максимально благоприятных внешних условий для дальнейшего развития страны как в плане безопасности, так и в плане повышения эффективности и конкурентоспособности экономики* (Дипл. вестн., 29.06.2004. НКРЯ); *Работа с людьми, не только в плане их профессиональной подготовки, но и воспитания, – одна из приоритетных наших задач* (Вестн. авиации и космонавтики. 25.02.2004. НКРЯ); *Создание и функционирование интегрированных военных организаций как на региональном уровне, так и в масштабах государства нуждается, безусловно, в теоретическом осмыслении и обосновании* (Военная мысль. 15.11.2004. НКРЯ); *В Успенском соборе Москвы столкнулись две противодействующие тенденции, которые архитектору удалось примирить – если не в масштабах нового стиля, то хотя бы в масштабах отдельно взятого здания* (С. Еремеева. Лекции по русскому искусству. НКРЯ); *Один диспут был в классе, другой – в масштабах всей школы* (А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца. НКРЯ).

Сопоставительный контекст характерен для релятивов *в случае₂*, *в случае с*, *в плане*, *в масштабе*, *в смысле*. Подобные вхождения в состав союзных конструкций фиксируются и для других релятивов, но как отдельные случаи. Что касается перечисленных выше единиц, то для них это характерное явление. Интересно, что из релятивов одной семантической группы – с общим значением аспектуальности (*в плане*, *в деле*, *в свете*, *по части*, *в части*, *с точки зрения*) – сочетаемость с названными союзами типична только для релятива *в плане*. Таким образом связать это свойство со значением аспекта или, шире, ограниченности, не представляется возможным. Сделать какие-либо выводы можно будет лишь после исследования в этом направлении значительного числа релятивов.

Иллюстративный контекст. Данный вид контекста отмечается для релятивов *в случае с* и *в случае₂*, например: *Но здесь нужна особая смелость и бескорыстие чувств – оглядка равна смерти, как в случае Орфея и Эвридики...* (В. Леви. Искусство быть собой. НКРЯ); *Мотивом приезда могло быть личное обогащение, как, например, в случае Алексея Толстого <...>. Мотивом могла*

быть мода, как в случае английского поэта Стивена Спендера <...>. Мотивы могли быть и чисто личными, как в случае Вальтера Бенямина, который приехал в СССР в 1926 году, главным образом чтобы повидаться с латышской коммунисткой Асей Лацис... (В. Паперный. Вера и правда: Андре Жид и Лион Фейхтвангер в Москве // Неприкосновенный запас. 2003.07.14. НКРЯ); *Там, где ее [Жаклин Кеннеди] вкусу требовалась поддержка, на помощь приходили профессиональные дизайнеры интерьеров. Как, например, в случае с жилой половиной Белого дома, когда Джекки помогал известный декоратор Марк Хэмптон, несколькими годами позже декорировавший ее нью-йоркскую квартиру* (Изв. 2004.12.07).

Иллюстративный контекст базируется на сравнительных отношениях и отношениях общего и частного. Специфическими показателями иллюстративного контекста являются союз *как* и союзные аналоги *например*, *как например*, *к примеру*, *скажем*, т. е. это вид контекста, который так же, как и сопоставительный, оформляется специальными служебными словами.

Таким образом, существуют контексты, создаваемые взаимодействием двух классов служебных слов, хотя необходимо отметить, что это, безусловно, иной вид взаимодействия, чем подробно описанное, в частности, в трудах М. И. Черемисиной (см., например, [Черемисина, Орлов, 1980; Черемисина, Колосова, 1987]) контактирование союзов и частиц.

Заключение

Н. Ю. Шведова охарактеризовала три вида контекстов, необходимых для представления специфики слова: контекст синтагматический, контекст класса и обстановочный контекст [2002]. Представляется, что названные нами типы контекстов – с разных позиций – могут рассматриваться и как синтагматические, и как контексты класса. Отнести их к контекстам класса можно на том основании, что они позволяют выявить и / или подтвердить (а возможно, и опровергнуть) семантическую общность ряда единиц и тем самым объединить их в один семантический класс внутри общего класса отыменных релятивов и, возможно, шире – внутри класса служебных слов.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Вольф Е. М. О соотношении квалификативной и дескриптивной структур в семантике слова и высказывания // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 391–397.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002.

Словарь служебных слов русского языка / Отв. ред. Е. А. Стародумова. Владивосток, 2001.

Стародумова Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток, 2002.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Некоторые закономерности пополнения фонда скреп // Служебные слова. Новосибирск, 1987а. С. 11–25.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987б.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. О лексикографическом описании скреп русского языка // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспекте. Новосибирск, 1996. С. 15–35.

Черемисина М. И., Орлов А. Е. Контактные сочетания союзов и частиц в русском языке (к постановке проблемы) // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск: Наука, 1980. С. 208–223.

Шведова Н. Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слов // Н. Ю. Шведова. Русский язык: Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 382–391.

Шереметьева Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток, 2008.

Материал поступил в редколлегию 15.03.2015

E. S. Sheremetyeva

**SPHERES OF ACTIVITY OF POSTNOMINAL RELATIVES:
TYPES OF CONTEXTS**

Auxiliary characteristics in neoformations of the preposition type manifest in their ability to organize syntactic constructions and express certain types of syntactic relations. The establishment of the sphere of activity of such neoformations, which are called *postnominal relatives*, permits to address the concept of *typical context*. A typical context is viewed as a semantically specific space where a postnominal relative realizes its semantic-syntactic abilities. Compatibility of postnominal relatives may be very narrow, limited to one or two lexemes, and very broad, limited only by objective or predicative nature of the vocabulary. The study of syntagmatic characteristics of several postnominal relatives reveal several typical context: evaluative, modal, existential, comparative and illustrative. The composition of a typical context correlates with the semantic of postnominal relatives and may be used as one of the classifying traits to describe the system of prepositional neoformations in general.

Keywords: auxiliary words, derivative prepositions, postnominal relatives, conjunctions, syntagmatics, typical contexts.